

DOI: 10.15372/HSS20160315
УДК 94 (47+57)+271.22

Н.Д. ЗОЛЬНИКОВА

ЭСХАТОЛОГИЧЕСКИЕ СПОРЫ ЧАСОВЕННЫХ В ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XX в. КАК ИНСТРУМЕНТ САМОИДЕНТИФИКАЦИИ

Наталья Дмитриевна Зольникова,
д-р ист. наук, главный научный сотрудник,
Институт истории СО РАН,
РФ, 630090, Новосибирск, ул. Николаева, 8,
e-mail: nnpokrov@gmail.com

В статье рассматривается процесс накопления новаций в толкованиях нижееннисейскими староверами признаков конца света, делается попытка определить критический уровень этих новаций для принятия решения отдельным полемистом или авторитетной общиной об их каноничности или еретичности, т.е. принадлежности к «своим» или «чужим». Доказывается, что позиционирование себя в качестве «истинных христиан» обеспечивалось двумя способами. Традиционный состоял в подборе возможно большего количества цитат из Священного Писания и творений святых отцов, с помощью которых полемист доказывал свою правоту. Второй способ – изложение эсхатологической теории, далекой от классических образцов, погибшего в сталинском лагере игумена тайных старообрядческих скитов о. Симеона со ссылкой полемиста на свою верность этому авторитетному местному богослову.

Ключевые слова: Сибирь, староверы-часовенные, экзегетика, антихрист, конец света, эсхатология, «свои» и «чужие».

N.D. ZOLNIKOVA,

ESCHATOLOGICAL DISPUTES OF THE CHASOVENNYYE OLD-BELIEVERS IN THE LAST THIRD OF THE XX CENTURY AS AN INSTRUMENT OF SELF-IDENTIFICATION

Natalya D. Zolnikova,
Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher,
Institute of History SB RAS,
8, Nikolaeva Str., Novosibirsk, 630090, Russia,
e-mail: nnpokrov@gmail.com

The article considers mechanism of accumulation of novelties in interpretation of signs of the Day of Judgment made by the Old-Believers from the lower reaches of the Yenisey River; it also attempts at determining when a high threshold of such novelties was reached letting individual polemicists or authoritative communities make a decision about their canonicity or heterodoxy. The article presents results from an analysis of original writings of Fr. Symeon, hegumen of a skete, who died in 1954 in one of the concentration camps and was regarded as a saint by the Chasovennyye (Chapeliers) Old-Believers; works of an outstanding popular writer A.G. Murachev, scribe K. Pleshakov and monk Fr. Timothy. It is proven that the starting points of all theological interpretations were the innovative works of Fr. Symeon who considered proletarians as servants of Antichrist surrendering to his will under the slogan "Proletarians of all countries, unite". Establishment of the block of socialist countries in Europe in the wake of the World War II convinced his disciples in the truth of his words. Self-identification of the Chasovennyye theologians as "true Christians" further included referring to loyalty to the teaching of Fr. Symeon. However, the skete ideologists believed that A.G. Murachev's new scenario of Judgment Day moved so much away from the original concept that it came close to the line where "ours" turns into "alien". This was probably due to the fact that eschatological ideas were dominant in the system of Old-Believers' teaching (as a rule, occasional deviations from the eschatological system that was acclaimed as canonical did not result in accusations of heresy). On the other hand, the fact that in the 1990s sketes identified bar-codes as marks of Antichrist made A.G. Murachev think that the inhabitants of the sketes fell into heresy. However, the line where "ours" irrevocably turns into "alien" has never been crossed by both polemizing parties, apparently, because of their high authority along with fears of a major schism in the church.

Key words: Siberia, Chasovennyye Old-Believers, exegetics, Antichrist, Judgment Day, eschatology, «ours» and «alien».

С самого своего возникновения старообрядчество постоянно ощущало себя в преддверии конца света, чему в особенности, как известно, способствовали преследования со стороны официальных властей. Непрерывными были попытки староверов найти в текущей действительности конкретные признаки скорого Второго пришествия, отождествить явления современности с катастрофами Апокалипсиса, а наиболее значимых деятелей страны – с его узнаваемыми персонажами. Яркое отражение эти попытки нашли в обильных сочинениях старообрядческих книжников и вероучителей, а также в материалах их допросов в российских следственных органах. Отношение к антихристу (или его слугам) как символу или олицетворению российской жизни после 1666 г. постепенно стало одним из основных элементов системы самоидентификации староверов. В этом общероссийском процессе Сибирь не была исключением, не стала она им и до начала XXI в.

Одной из самых крупных сибирских старообрядческих конфессий в XX в. продолжало оставаться согласие часовенных. И хотя оно сильно сократилось в ходе репрессий 1920–1950-х гг., все же сумело сохранить свою развивавшуюся с начала XVIII в. в огромном урало-сибирском регионе самобытную историко-литературную традицию [1]. Трагические события первой половины XX в. дали обильный материал для обновления представлений о признаках конца земной человеческой истории, и оставшиеся в живых после сталинских репрессий староверы-часовенные создали ряд оригинальных толкований Откровения Иоанна Богослова. В некоторых случаях они даже совершенно сознательно отвергали толкования отцов Церкви в пользу своей теории (Исай Назарович Жариков); менее радикальные утверждали, что лишь дополняют их (Иродион Уральский, А.Г. Мурачев) [1, с. 295–313, 395–425]. Каждая такая новая теория живо обсуждалась в часовенном согласии, и в зависимости от того, удавалось ли автору убедить своих одноверцев в «каноничности» своих воззрений, ставился или не ставился вопрос об их еретичности. В последнем случае несчастливый творец нового толкования образа антихриста и нового сценария конца света попадал под проклятие и изгнание из лона Церкви (И.Н. Жариков). В этом случае он лишался поддержки общины вплоть до его покаяния, если таковое случалось.

На эсхатологические представления часовенных серьезно повлияли теоретические разработки о. Симеона – одного из самых авторитетных игуменов сибирских скитов этого согласия в XX в. В целой череде своих сочинений 1920-х – 1940-х гг. он осуществил новые расшифровки пророчеств Даниила и Откровения Иоанна Богослова. Игумен признавал традиционное для христианской эсхатологии отождествление апокалиптического зверя с Римским царством (четвертым – в схеме Даниила), но считал, что с ним генетически связаны 10 буржуазных государств, существовавших в начале XX в. перед октябрьской революцией. Поскольку апокалиптические темные силы в указанном

пророчестве враждовали друг с другом, то о. Симеон увидел в октябрьской революции 1917 г. и крушении ряда старых монархий последнее наступление сил антихриста, предвещающее конец света. Антихристу, по Священному Писанию, присуща единая воля. Ее о. Симеон распознал в объединяющемся по всему миру пролетариате с его общеизвестным лозунгом. Именно пролетариат и будет, как он считал, сражаться с Христом в конце времен. Его убеждала в антихристовой сущности рабочего класса как расстрельная практика в отношении носителей христианства, начавшаяся вскоре после революции, так и резкое расширение социалистического лагеря после Отечественной войны (антихрист, по Писанию, перед своей гибелью покорит всю землю). Известно, что игумен специально обучал на своеобразных «семинарах» монахов и послушников правилам полемики, осмыслению Священного Писания и церковной истории, литературному творчеству. Как следует из ряда позднейших высказываний его учеников, они усвоили и уроки его экзегетики [1, с. 239–277]. Авторитет о. Симеона в скитах и единовременной округе был непререкаемым, и нет ни одного свидетельства, что его богословские новации встретили протест.

Наиболее талантливым учеником о. Симеона, погибшего в 1954 г. в одном из сталинских лагерей, был А.Г. Мурачев, живший несколько лет в Дубческих (бассейн Нижнего Енисея) скитах о. Симеона, но не успевший стать иноком. Ему удалось бежать из-под ареста после разгрома скитов в марте 1951 г. Позже, после регенерации разгромленных скитов на прежнем месте, он стал наставником часовенных в одной из деревень на притоках Нижнего Енисея, много путешествовал, занимался проповедью, переписывал душеполезные книги и сам стал незаурядным писателем. Он – автор выдающегося памятника народной литературы – воспоминания о разгроме Дубческих скитов [2], а также многих прозаических и поэтических произведений.

Ему принадлежит разнообразнейшая полемика (в основном, трактаты, послания и письма); иногда она оформлена в художественные произведения: например, в старинной диалоговой форме или в силлабических стихах. В Урало-Сибирском патерике А.Г. Мурачеву принадлежат выразительные образцы агиографической прозы. Однако сам он особое значение придавал своим экзегетическим сочинениям. За отправную точку он взял схему о. Симеона, но пошел существенно дальше. Свои воззрения он изложил в большом труде 1969–1970 гг. «О временах», существенно дополнив их в 1982 г. в обширном богословском произведении – «О останке Израилевом». А.Г. Мурачев углубляется в ветхозаветные пророчества о конце человеческой истории и приходит к нетривиальному для старовера выводу. Раздумывая над печальным состоянием современного ему «христианства» (т.е. часовенных), он решил, что вряд ли оно спасется, кроме единичных избранных. Кого же Христос поставит одесную при Втором прише-

стии? Таких А.Г. Мурачев усмотрел среди иудеев, читая в Ветхом завете о постоянных обещаниях Господа привести к спасению остаток своего богоизбранного народа. Именно к этому иудейскому остатку будут, по мнению крестьянского экзегета, посланы Илья и Енох для успешной проповеди христианства. Она и станет причиной появления когорты избранных святых, упомянутых в Откровении Иоанна Богослова в качестве спасенных. Весь этот процесс, по мнению писателя, далеко не сразу закончится Вторым пришествием и может растянуться, вопреки общепризнанному мнению, на несколько столетий [3].

А.Г. Мурачев сознавал оригинальность своих богословских рассуждений. Именно поэтому он постоянно ссылаясь на авторитет о. Симеона и подчеркивал, что игумен одобрял его первые попытки толкования Священного Писания. Однако данную ситуацию, как оказалось, хорошо описывало крылатое латинское выражение: «Что дозволено Юпитеру, то не дозволено быку». Нельзя сказать, что у А.Г. Мурачева совсем не оказалось сторонников. Они были среди многочисленных слушателей его проповедей по всей Сибири и Дальнему Востоку. Это и раздражало его противников, которых более всего оказалось среди жителей восстановленных на Дубчесе скитов. Один из них – о. Тимофей, удостоившийся самой нелестной характеристики в мемуарах А.Г. Мурачева [4, с. 266–268]. Их отношения испортились далеко не сразу. После разгрома скитов в 1951 г. о. Тимофей, как и некоторые другие скитожителы (в том числе, как упоминалось, А.Г. Мурачев), сумели бежать от карателей и вместе «скитались около попелищев». Разногласия начались позже, когда стали восстанавливаться тайные монастыри. Среди монахов, как вспоминает мемуарист, началась борьба за власть (по его образному выражению, «старцы начали тянуть портфель»), а затем полученная власть стала оказывать развращающее влияние [4, с. 266–268]. Во всяком случае, в 1971 г. (по другим сведениям – в августе 1972 г.), вслед за появлением первого экзегетического опыта А.Г. Мурачева, о. Тимофей пишет сочинение, нигде не называя имени своего противника и не выступая прямо с опровержением его конкретных идей, но излагая систему эсхатологических взглядов, весьма отличившуюся от его разработок. Вероятно, осторожность о. Тимофея диктовалась тем, что у А.Г. Мурачева сложились очень хорошие отношения с игуменом всех Дубчесских скитов о. Антонием, который при жизни о. Симеона был его «соправителем»¹. В 1960–1970-е гг. под руководством скитов и самого о. Антония создавалась расширенная редакция Урало-Сибирского патерика, и Афанасий был одним из наиболее активных его авторов, поставщиков текстов, редакторов и переписчиков [1, с. 317–321].

¹ В часовенных скитах некоторое время существовала система двойного руководства. В частности, после смерти старого игумена о. Саввы о. Симеон руководил скитами со старшим игуменом о. Миной, после смерти которого он сам стал старшим, а обязанности помощника были возложены на о. Антония.

Но направленность сочинения о. Тимофея не была тайной для А.Г. Мурачева, который позже жаловался: «(Отец Тимофей. – Н.З.)... написал опровержение на мое сочинение со лжесвидетельством в 1971-м г., что я писал объяснение на Апокалипсис» [4, с. 267].

В своем небольшом сочинении о. Тимофей при описании текущего времени почти без вариаций придерживается схемы о. Симеона. Он также пишет, что Римское царство в виде 10 государств до 1917 г. «стояло по преемству от римских царей»; слуги антихриста в лице победивших пролетариев «царскую власть с корнем вырвали и еще вырывают и уничтожают и экономическую и весь буржуазной клась... и вконец уничтожают собственность, согласно сего и святии отцы глаголют... А мы на деле видим, что теперь власть антихристова, его самые слуги управляют и объединяют вселенную... И во всем мире должен быть Советский Союз, управляемый едином президентом»². Тут будет уместно привести воспоминание А.Г. Мурачева о споре только что арестованного о. Симеона с одним из главных лиц карательного отряда Щербиным: «Говорит отец: “Мы пророчество сличаем с событием времени и видим, что мир объединяется и в дальнейшем должно быть одно государство во всем мире”. Начальник с веселым взглядом сказал: “Да, справедливо, отец, коммунистическая партия к этому ведет”. Говорит отец: “Тогда будет один управитель во всем мире”. Начальник радушно ответил: “Да, весь советский народ борется за это”. Говорит отец: “Но управитель тот будет антихрист”» [2, с. 100]. Как видим, установку о. Симеона о. Тимофей усвоил точно.

Среди других признаков власти антихриста в современном мире о. Тимофей назвал равенство народа, равноправие и раскрепощение женщин – в полном соответствии с идеями о. Симеона, писавшего, что на знаменах антихриста, которые «пронесли по всей России», написали слова «свобода, равенство, братство». Первым же, напоминал игумен, к равенству устремился сатана, за что и был свержен с небес и отправлен в преисподнюю [1, с. 252]. «Самое главное, – рассуждал о. Тимофей, – освободили народ от религиозного дурмана и помещения религиозного характера обратили на культурно-общественные цели, в большинстве случаев под [с]кладочное помещение. Так и святое писание говорит, что церкви Божия яко овощное хранилище будут»³. Нельзя сказать, что о. Тимофей просто механически повторяет идеи, усвоенные от о. Симеона. В сочинении о. Тимофея имеются и его собственные соображения по поводу катаклизмов ожидаемого конца света – например, в отношении окончательного крушения буржуазии: «...Америка, Англия и Франция, с этими государствами должна произойти сильная война, тогда во всем мире будет едина воля». И война эта мыслилась им, в отличие от А.Г. Мурачева, в очень скором време-

² Собрание старопечатных книг и рукописей Института истории СО РАН. № 13/97-г. Л. 4 об., 5 об.–6 об.

³ Там же. Л. 6, 6 об.

ни: «Глаголют, как бы от Писания, что осмая тысяща не преполовится». Здесь имеется в виду чрезвычайно популярная в свое время в старообрядчестве старая легенда о том, что конец света наступит до середины восьмой тысячи лет от сотворения мира (т.е. не позже 1992 г.) На своем экземпляре сочинения о Тимофее, переданном в Собрание Института истории СО РАН в 1997 г., А.Г. Мурачев рядом с этими словами не преминул ехидно написать: «Уже преполовилась», несомненно, подчеркивая общую несостоятельность своего противника как экзегета⁴.

Появление в 1982 г. сочинения А.Г. Мурачева «Об останке Израилевом» привело к обострению его противостояния со скитами. К этому времени уже умер о. Антоний, а в скитах у А.Г. Мурачева не осталось защитников. В полемику с ним вступил Корнилий Плешаков – еще один бывший товарищ А.Г. Мурачева, с которым они раньше вместе работали над Урало-Сибирским патериком. Вначале стороны обменивались все более резкими, исполненными ругательных слов, посланиями, а в октябре 1989 г. К. Плешаков составляет обширный труд с обличениями А.Г. Мурачева. Внутри своего весьма невнятного произведения, придавая ему недостающий вес, он помещает дополненное сочинение о Тимофее, теперь уже прямо направленное против А.Г. Мурачева⁵. Что касается «останка Израилева», то о. Тимофей в новой редакции своего сочинения долго перечисляет, у кого из святых нет никаких упоминаний об обращении Израиля в христианскую веру. Теперь А.Г. Мурачева о. Тимофей обвиняет не в том даже, что он дополнил толкования святых отцов «на последние времена» (это делал и о. Симеон, чей авторитет о. Тимофей сомнению не подвергал), а в том, что он их «совершенно отрывает». И здесь уже появляется весьма грозное для А.Г. Мурачева напоминание, что святые отцы «отрвали» только еретиков! Так в полемике впервые звучит завуалированное обвинение в ереси.

А.Г. Мурачев в долгу не остался. В своих мемуарах он с обидой писал, что о. Тимофей «оболгал вселенских учителей святителей в том, что о обращении иудеев оне не пишут. А ето сотворилось с тем умыслом, чтоб подорвать христианом доверие ко мне... За его несправедливость я к ним в скит не бывал» [4, с. 267]. А Корнилий Плешаков жаловался на то, что А.Г. Мурачев «нас отлучает и ерестником страшает»⁶. Налицо растущее отчуждение книжников одной конфессии, каждый из которых считал именно себя «истинным христианином» в эсхатологических спорах. Оно стало опасно приближаться к полному разрыву отношений и взаимным обвинениям в ереси. И хотя в конце 1980-х гг. такого разрыва не произошло и клеймо еретика на А.Г. Мурачева не навесили, его взаимоотношения со скитами и частью часовенных-мирян становились все

более напряженными. В середине 1990-х гг. они еще раз обострились. Между 1995 и 1997 гг. А.Г. Мурачев пишет сочинение «О начертании», в котором обрушивается на новые представления о признаках конца света, появившиеся в среде енисейских часовенных и взятые на вооружение скитами. Речь идет о толковании товарного штрих-кода как антихристовой печати (начертания), разработанного в среде западных протестантских конфессий и распространившегося в 1990-е гг. в России. У А.Г. Мурачева эта новация получила название «баптистских выдумок». О деятельном участии нижеенисейских черноризцев в пропаганде эсхатологического толкования штрих-кода А.Г. Мурачев пишет так: «Когда-то лет 5–6 назад отец Виталий на Индыгином читает... принародно журналишка о начертании, баптистские выдумки. Я только подумал, вот это по твоей мудрости, если истинного Писания не знаешь, а он в Апокалипсисе отнюд не разбирается. Тогда мне даже в мысль не пришло, что будет время, что скиты это за догмат примут»⁷.

«Говорит пророчество, – пишет далее А.Г. Мурачев, – что начертание или написание будет даваться на чело или на десницу поклонившимся антихристу... а баптисты совершенно суеверно, лживо поняли электронно-компьютерные знаки за начертание... которые виднеются на всех товарах покупаемых, только не на челах и не на десницах. И вот наши старцы в это уверовали. По правилу... они подлежат отлучению за суеверие, а получается наоборот, они нас невинно хотят отлучить за то, что мы не приемлем... суеверное мудрование о ложном начертании»⁸. Интересно, что в скитах усмотрели подтверждение новому толкованию в каких-то начавшихся там сверхъестественных явлениях: «...когда в скиты навезли американских вещей с начертанием, и вот что-то начало мерещить скитяном, якобы из-за начертания»⁹. В своем сочинении второй половины 1990-х гг. А.Г. Мурачев уже открыто пишет, что главный идеологический центр часовенных, нижеенисейские скиты, лишился прежней благодати, которая пребывала на них еще при о. Симеоне. Он очень образно, с привлечением ветхозаветной аналогии, заключает: «С 1954 (времени освобождения из лагерей скитских жителей. – Н.З.) до 1994 года минуло 40 лет благодатного времени, как древнему Израилю в пустыне... Это уже последнее отпадение скитов, разве только еще останутся в Туве»¹¹.

Таким образом, прежние единомышленники, которых ранее объединяла и совместная жизнь в скитах под началом о. Симеона в конце 1940-х гг., и трагедия разгрома скитов, позже – бегство и сиротское тайное скитальчество «вокруг попелищев» (А.Г. Мурачев и о. Тимофей), и общая работа над Урало-Сибирским

⁷ Там же. № 9/97-г. Л. 63 об.

⁸ Там же. Л. 67.

⁹ Имеются в виду подарки, привезенные староверами, живущими в США и других зарубежных странах, которые с падением «железного занавеса» начали активно посещать сибирские скиты.

¹⁰ Там же. Л. 69 об.

¹¹ Там же. Л. 63, 69 об.

⁴ Собрание старопечатных книг и рукописей Института истории СО РАН. № 11/97-г. Л. 7 об., 19 об.

⁵ Там же. Л. 2–33 об.

⁶ Там же. № 11/97-г. Л. 49 об.

патериком (А.Г. Мурачев и К. Плешаков) под руководством нижееннисейских скитских старцев, постепенно стали превращаться из «своих» в «чужих», разойдясь в вопросах эсхатологии, в том числе (если можно так выразиться) «злободневной». Для полного отторжения противникам не хватило только формально провозглашенного отлучения, о котором, собственно, уже прямо говорилось в полемике. При этом каждая из враждующих сторон идентифицировала себя как представителя «истинного христианства», верного доктрине староверов-часовенных, выработанной авторитетным игуменом о. Симеоном, который давно воспринимался в согласия сибирских староверов-часовенных в качестве святого; оппоненты же (или оппонент) фактически провозглашались еретиками.

Далеко не каждое разногласие в эсхатологических взглядах приводило к внутреннему расколу и извержению из общин прежних «своих», ставших «чужими». В частности, не всегда происходило взаимное отчуждение в случае разного понимания текущего времени: как наступившего в 1666 г. царства духовного антихриста (теория «духовного антихриста») или же как царства всего лишь его слуг, еще только готовящих мир к появлению врага в качестве телесного человека (теория «чувственного антихриста»). Хотя тому же А.Г. Мурачеву принадлежит несколько ярких полемических сочинений, в которых он отстаивал взгляд на исповедующих теорию «духовного антихриста» как на еретиков. Но все же для общинного проклятия нужно было нечто большее: возникновение и распространение новой эсхатологической системы, осознававшейся совершенно чуждой имеющейся традиции. Так произошло с богословскими разработками И.Н. Жарикова – жителя одной из нижееннисейских деревень. Так едва не произошло с эсхатологией А.Г. Мурачева: вероятно, из-за боязни

раскола в конфессии он не был формально предан соборному проклятию.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.

1. Покровский Н.Н., Зольникова Н.Д. Староверы-часовенные на востоке России в XVIII–XX вв.: Проблемы творчества и общественного сознания. М.: Памятники исторической мысли, 2002. 471 с.

2. Афанасий Герасимов. Повесть о Дубчесских скитах / публ., коммент. и вступ ст. Н.Н. Покровского // Новый мир. 1991, № 9. С. 91–103.

3. Зольникова Н.Д. А.Г. Мурачев. «О останке Израилевом» // Духовная литература староверов востока России в XVIII–XX вв. / Изд. подг.: Н.Н. Покровский, Н.С. Гурьянова, Н.Д. Зольникова и др. Новосибирск: «Сибирский хронограф», 2005. С. 536–541.

4. Зольникова Н.Д. Мемуары А.Г. Мурачева, сибирского старовера-часовенного (конец XX – начало XXI в.) // Традиции отечественной духовной культуры в нарративных и документальных источниках XV–XXI вв. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2010. С. 213–288.

REFERENCES

1. Pokrovsky N.N., Zolnikova N.D. The Chasovennye Old-Believers in the East of Russia in the XVIII–XX Centuries: Problems of Creative Work and Social Consciousness. Moscow: Pamyatniki istoricheskoy mysli, 2002, 471 p. (In Russ.)

2. Afanasiy Gerasimov. Story about the Dubches Sketes / publ., comm. and introduction by N.N. Pokrovsky. *Novyy mir*. 1991, no. 9, pp. 91–103. (In Russ.)

3. Zolnikova N.D. A.G. Murachev. «On the Israel's Remains». *Dukhovnaya literatura staroverov vostoka Rossii v XVIII-XX vv.* / izd. podgot.: N.N. Pokrovsky, N.S. Guryanova, N.D. Zolnikova i dr. Novosibirsk: «Sibirskiy khronograf», 2005, pp. 536–541. (In Russ.)

4. Zolnikova N.D. Memoirs of A.G. Murachev, a Siberian Old-Believer from Chasovennye Denomination (Late XX – Early XXI Century). *Traditsii otechestvennoy dukhovnoy kultury v narrativnykh i dokumentalnykh istochnikakh XV–XXI vv.* Novosibirsk: Izd-vo SO RAN, 2010, pp. 213–288. (In Russ.)

Статья принята редакцией 26.05.2016